

Послѣ 3 евангелія преподаватель Духовной семинаріи священникъ о. Іоаннъ Дроздовъ сказалъ такую рѣчь:

Великій апостолъ языковъ Павелъ въ посланіи къ своему возлюбленному ученику и сотруднику Тимофею писалъ про себя: *подвигомъ добрымъ подвижася течение скончавъ, вѣру соблюдавъ, прочее убо соблюдаются мнѣ венецъ правды, ея же воздастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день онъ.* (2 Тим. IV, 7. 8). Эти слова апостола приложимы сейчасъ и къ тебѣ, нашъ почившій благодѣтельный Владыка. И ты подвигомъ добрымъ подвижался, и ты скончалъ свое течение, свое земное странствованіе, и ты до послѣдняго часа соблюдалъ и соблюдалъ вѣру и вѣримъ, крѣпко вѣримъ, что и тебѣ готовится вѣнецъ правды у нашего Небеснаго Отца.

Отдавая послѣдній долгъ, многое хотѣлось бы тебѣ сказать, добрый нашъ почившій Владыка. Но слово мое было бы слишкомъ обширно, такъ какъ дѣятельность твоя очень разнообразна и на всемъ, что ты дѣлалъ, ты оставилъ печать своего любящаго добраго сердца, своей высокой личности.

Какъ служащій въ Духовной семинаріи, я по порученію своихъ сослуживцевъ, и движимый личнымъ чувствомъ глубокой признательности къ тебѣ, какъ епископу-отцу, чрезъ руки котораго и мнѣ дана благодать священства, рѣшаюсь сказать нѣсколько безыскусственныхъ благодарственныхъ словъ о томъ, что тобою сдѣлано для семинаріи и сказать тебѣ послѣднее «прости» и лично отъ себя.

Мы, Владыка святой, пріѣхали съ тобой въ Иркутскъ въ одинъ годъ и вся дѣятельность твоя въ отношеніи къ семинаріи прошла на моихъ глазахъ. Я пріѣхалъ сюда юношей

—ты уже умудреннымъ опытомъ старцемъ. Воспитательная система тогда только что успѣла сложиться надъ дѣйствіемъ устава 1884 г. она дѣйствуетъ и теперь и недостатки ея съ того времени уже выяснились и исправляются. Мы теперь уже наканунѣ новой духовной школы. Время дѣйствія этого устава характеризуется, какъ время довольно большого формализма, время, когда серьезно платились за незнаніе второстепенныхъ вещей, но требующихся программой, когда вообще учениковъ мало жалѣли, считая это вреднымъ для дѣла, располагающимъ ихъ къ лѣности. Впрочемъ въ этомъ отношеніи уставъ 1884 г. не ввелъ чего-либо новаго; при прежнемъ уставѣ 1867 г. воспитательная система была та же. Я лично учился при дѣйствіи того и другого устава и въ общемъ не видѣлъ. сидя на школьной скамьѣ, ихъ разницы.

Но, по прибытіи въ Иркутскъ, я былъ пріятно пораженъ тѣмъ, что здѣсь не было того духа формализма, который царилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ европейской Россіи, причиной этому было то, что предшественникъ твой Высопріосвященный Веніаминъ, человекъ чрезвычайно доброты, силой своей высокой личности смягчилъ суровый режимъ школы. Пріятно было начинать службу въ школѣ, гдѣ всѣ относились другъ къ другу съ любовью и довѣріемъ, гдѣ ученики не видѣли въ своемъ учителѣ врага. Это направленіе, данное еще твоимъ предшественникомъ, съ большой любовью поддерживалось и тобой. Всегда ровный, спокойный, доброжелательный, ты всюду принеся съ собой миръ и любовь. Ты всегда заботился о мирѣ и согласіи между корпораціей и учениками и тебя всегда очень огорчало когда этого мирнаго согласія не доставало. А это, къ сожалѣнію, было не рѣдко. Сколько горя и непріятности принесли тебѣ одни волненія въ 1905 г. Какъ ты жалѣлъ объ увлеченіяхъ зеленой молодежи, какъ тебѣ тяжело принимать необходимыя строгія мѣры и въ довершеніе всего высудушивать незаслуженные упреки! Любовь и все-

прощеніе - были всегдашнимъ твоимъ руководящимъ правиломъ жизни. Это правило руководило тобою и при рѣшеніи всѣхъ семинарскихъ дѣлъ.

Семинарія всегда для тебя была любимымъ дѣтищемъ. Оно и понятно. Вѣдь здѣсь готовятся на трудный жизненный путь пастыри церкви, твои ближайшія сотрудники въ тяжеломъ подвигѣ пастырства. Поэтому горе семинаріи было твоимъ горемъ, ея радости твоими радостями. Ты всѣмъ желалъ помочь ей въ трудныхъ обстоятельствахъ, до матеріальной денежной помощи включительно.

Нечего говорить о томъ, съ какой готовностью, съ какимъ удовольствіемъ ты участвовалъ во всѣхъ ея торжествахъ, не рѣдко жертвуя свои собственныя средства, вообще всѣмъ содѣйствуя торжественности семинарскихъ празднествъ.

И въ послѣдній семинарскій праздникъ, уже чувствуя приближеніе смертнаго часа, ты собралъ послѣднія силы, чтобы провести праздникъ среди родной тебѣ семинарской корпораціи. Тяжело, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно, было видѣть, какъ ты, почти совсѣмъ задыхаясь, вошелъ въ семинарскій храмъ. Все существо твое какъ бы говорило: «я умираю, но среди васъ и умереть мнѣ пріятно». Простоявъ всю ночь, отслуживъ на слѣдующій день литургію, ты собралъ послѣднія силы, чтобы выразить вниманіе и любовь къ семинаріи присутствіемъ послѣ литургій на скромной трапезѣ.

Но семинарія обязана тебѣ не столько за твою любовь, но главнымъ образомъ за благодѣянія, бывшія выраженіемъ ея.

Предъ вступленіемъ твоимъ на Иркутскую кафедру семинарія имѣла все необходимое; она ни въ чемъ особенно не нуждалась. Между тѣмъ другія учебныя заведенія нуждались въ самомъ необходимомъ. И вотъ при тебѣ строится новое грандіозное зданіе для мужского духовнаго училища, новое зданіе для женскаго училища, основывается Князе-Владимир-

скій монастырь съ величественнымъ зданіемъ церковно-учительской школы, капитально ремонтируется архіерейскій домъ, строятся и освящаются многія церкви; но среди этихъ многихъ и разнообразныхъ заботъ ты не забывалъ и семинарію. При тебѣ былъ расширенъ семинарскій храмъ, была построена бібліотека, образцовая школа, баня, больница, дача для воспитанниковъ, общежитіе для несостоятельныхъ воспитанниковъ: почти все преподаватели имѣютъ готовыя бесплатныя квартиры.

И семинарія искренно скорбитъ, утративъ своего любящаго отца и благодѣтеля, и горячо молится о упокоеніи тебя въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова, въ обителяхъ Небеснаго Отца.

Теперь, добрый почившій Владыка, я позволю себѣ обратиться съ выраженіемъ глубокой грусти по поводу твоей кончины отъ одного скромнаго учрежденія, любимаго тобою — это отъ Сибиряковского пріюта для престарѣлыхъ бѣдныхъ, гдѣ я тобою поставленъ священникомъ. Рѣдкій годъ ты не служилъ въ храмовой церкви пріюта въ день преподобнаго Михаила Клопскаго, твоего небеснаго покровителя, имя котораго ты носилъ до постриженія тебя въ монашество. Ты любилъ праздновать свои прежнія именины среди бѣдныхъ, въ скромной квартирѣ священника пріюта..

Поучительно было видѣть тебя, уже маститаго старца, среди такихъ же старцевъ и старицъ, почти всегда прошедшихъ тяжелый жизненный путь Отрадно имъ было запросто поговорить со своимъ архипастыремъ. Твоя доброта и простота въ обращеніи съ ними всегда до глубины души ихъ трогала и бывали случаи, когда они наивно безпокоили тебя, какъ близкаго къ себѣ чловѣка, просьбами разобрать ихъ взимаемыя мелкія непріятности И ты всегда охотно это дѣлалъ.

Хотѣлось-бы много, очень много сказать предъ твоими священными останками и лично о себѣ... о томъ что ты,

правда, не имѣлъ возможности сдѣлать, но хотѣлъ сдѣлать лично для меня. Но въ данномъ случаѣ мнѣ приходятъ на умъ слова Псалмопѣвца: «да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ!...» Спасибо тебѣ, Владыко, за твою доброту и ласку какъ ко мнѣ лично, такъ и къ моему семейству. Прости и благослови. Вѣчная тебѣ память. Аминь».